

До рассвета оставалось ещё четыре часа, и враг наверняка должен был вновь пойти в яростную атаку перед самым рассветом. Я был жив, но ради того, чтобы выдержать этот вражеский удар, мы потеряли ещё больше бойцов. Продержаться до трёх часов ночи на позициях шириной в километр! И это вшестером?

По взгляду майора я тоже читал одно лишь отчаяние.

Настало время раздавать всем боеприпасы для последнего боя.

— Товарищи, давайте обсудим, что нам делать дальше? — выпрямившись, майор обратился к бойцам вокруг.

Увидев, что люди постепенно собираются ближе, майор заговорил:

— Только что я связался с передовым командным пунктом. Сейчас тыловые части в городе эвакуируются волнами. Сегодня ночью наступательный порыв врага невероятно силен; на других наших высотах на востоке уже идут ожесточенные встречные бои, возможно, некоторые позиции противник уже прорвал. Резервы в распоряжении командования сейчас брошены на отбитие этих рубежей. Иными словами, сегодня ночью нам придется рассчитывать только на себя и продержаться после трех часов! О подкреплении не может быть и речи.

Выслушав майора, все опустили головы.

И правда! Обстановка оказалась ещё хуже, чем мы предполагали. Обычно в такое время хоть немного подкрепляли людьми, подвозили тяжёлое вооружение, особенно столь дефицитные на позициях противотанковые средства. К тому же медицинский отряд забирал бы раненых.

— Да я, мать твою, с самого начала, как поднялся сюда сегодня ночью, и не рассчитывал уйти отсюда живым! — пробормотал большой Ли, уставившись остекленевшим взглядом в чернеющее ночное небо у выхода из туннеля.

Окружающие бойцы один за другим стали глухо поддакивать.

— В туннеле ещё осталась целая гора снарядов, когда позиции не удержать — я пойду и подорву их. Мать иху мать, хрен им, а не наши позиции!

Уголки ртов Цзян Е в исступлении дрожали, а крепко сжатые кулаки яростно рассекали воздух.

— Нет, эти снаряды достанутся мне. Никто из вас даже не смей со мной спорить!

Холодный голос раздался рядом со мной — это был Сун Буи! Он уже очнулся. Его черные

зрачки в отсветах тусклого света источали леденящий до костей смертельный блеск.

— Брат Буи! — сорвался крик с губ Цзян Лэя, стоявшего рядом с Сун Буи.

— Старик Сун! Это.....

Раздвинув бойцов, майор с нахмуренными бровями подошел к Сун Буи.

— Товарищ майор, умоляю! Дай мне этот шанс! Сам посмотри на меня, я, я разве смогу ещё хоть раз сразить врага? А! Товарищи, прошу вас. Подарите мне достойную смерть! Умоляю вас...

Сун Буи в упор смотрел на Ли Вея, измазанным кровью пальцем указывая на свою правую ногу, от которой осталась лишь небольшая культя.

Ли Вэй отвернулся, его кадык судорожно ходил вверх-вниз, а губы едва заметно дрожали.

Лишь спустя долгое время майор повернулся обратно и молча окинул взглядом бойцов, стоявших вокруг Сун Буи. Цзян Лэй с тревожным видом теребил в руках гарнитуру.

— Что молчите? Все согласны? — обведя взглядом окружавших его бойцов, спросил Сун Буи.

Снова повисло молчание.

Вдруг Сун Буи усмехнулся, с выражением полного облегчения на лице.

— Старик Вэй, — повернувшись ко мне, с улыбкой позвал он.

Я крепко сжал правой рукой его крепкое, сильное предплечье, пытаюсь выдавить из себя подобие улыбки и сказать поздравление, но почему-то в груди всё сильнее нарастало давящее чувство.

Без приказа Ли Вея оставшиеся солдаты начали раздавать гранаты. По штуке в одни руки, и на моей груди тоже повисла граната мгновенного действия.

— Товарищ майор, мы сможем продержаться до трёх часов? — подал голос Цзян Е, и всё внимание бойцов сосредоточилось на лице майора.

На секунду замешкавшись, майор на ходу протирая пистолет, произнес:

— До времени отхода остался час с небольшим. Наш рубеж — один из ключевых узлов обороны внешней городской полосы, мы обязаны продержаться до трех часов во что бы то ни стало. Цзян Лэй, помоги мне вызвать КП, узнай, не смогут ли они связаться с командирами соседних позиций, если получится — запросим поддержки. Хотя бы одно отделение! — отдал приказ майор Цзян Лэй.

— Майор, я предлагаю ещё раз связаться с артиллерией, вдруг у них есть дежурные батареи. Если можно, я пойду вдоль траншеи к передовым позициям и стану корректировать огонь нашей артиллерии по позициям врага. У Цзян Лэя есть трофейное средства связи, мы сможем примерно отслеживать переброску сил противника и время их вылазки, а при удобном случае устроить врагу внезапный удар.

Тут подал голос большой Ли.

— Идея, конечно, неплохая: враг эти дни только лупил по нашим, а сам ударов не получал, так что бдительность на поле боя они наверняка потеряли. Но засылка в авангард слишком опасна, у противника наверняка есть подразделения радиоразведки, приближаться туда — значит просто сунуться в волчью пасть к их снайперам, — засомневался майор.

— Ничего страшного, товарищ майор, я же разведчик.

Договорив, большой Ли подхватил измерительный прибор и принялся готовиться к выходу.

Разве оставался способ лучше?

Цзян Лэй начал вызывать командный пункт.

Быть может, у нас ещё оставался шанс продержаться — усердный Цзян Лэй действительно смог дозвониться до штаба артиллерийского дивизиона.

Перед уходом большого Ли майор без устали наставлял его:

— Запрос огневой поддержки тяжелой артиллерии должен быть предельно осторожным, вызвать буксируемую артиллерию мы сможем всего один раз, не рассчитывай, что радиолокационная станция контрбатарейной борьбы противника не засечет место пуска наших орудий.

— Майор, с КП передают: связь с позициями 2260, 2261 и 2254 на нашем левом фланге потеряна, приказано усилить фланговое наблюдение. Остатки сил с позиции 2280 на правом фланге по приказу отходят к нам, — с тревожным видом доложил Ли Вею Цзян Лэй.

Бойцы в туннеле зашушукались между собой.

— Пора раскрывать козыри!

Ли Вэй застегнул гранату и выпрямился во весь рост.

— Пошли, Цзян Е. Оттащи меня в оружейную! — окликнул Цзян Е Сун Буи.

— Главный вход в оружейную завален после взрыва, но я знаю, где можно свернуть внутрь.

Опираясь на стену, я попытался встать.

Поддерживаемый бойцом, я повел всех в оружейную.

Укрепления потолка обвалились ещё сильнее, часть снарядов уже засыпало землей и бетонной крошкой, так что нам пришлось пробираться вглубь в согнутом положении.

Цзян Е поставил аварийный фонарь в угол и помог Сун Буи сесть.

Один из бойцов притащил из соседнего помещения ящик со взрывателями.

Сун Буи бережно, один за другим, стал вкручивать взрыватели в боеголовки снарядов, которые Цзян Е расставил вертикально вокруг него.

Наконец, в руках Сун Буи оказался золотистый взрыватель. Он бережно поглаживал его гладкую, красивую поверхность, словно любуясь драгоценным сокровищем.

Это был взрыватель мгновенного действия.

Затаив дыхание, он медленно, виток за витком, вкрутил его в головную часть снаряда, и когда взрыватель встал на место до конца, Сун Буи с облегчением выдохнул. Этот снаряд со взрывателем мгновенного действия стоял теперь прямо перед ним.

Вокруг громоздились более двух тысяч снарядов, и Сун Буи уже сидел в объятиях самой Смерти. Теперь стоило лишь легко стукнуть по взрывателю, как явилась бы смерть, а весь наш укрепленный узел взлетел бы на воздух.

— Ну как, моя могилка на вид неплоха?

Сун Буи поморщился и принялся шарить по карманам, пока наконец не вытащил зажигалку и помятую пачку сигарет. Откусив размокший фильтр, он зажал папиросу в зубах. Зажигалка промокла, и он с руганью выбросил её в темный угол.

Все обыскали карманы, но ни у кого не нашлось зажигалки.

На лице Сун Буи отразилось уныние.

— Погоди-ка, — Цзян Е вдруг согнулся в три погибели и выскочил наружу.

— Точно. Старик Вэй, захвати с собой кое-что для меня, — Сун Буи вытащил из нагрудного кармана маленький матерчатый узелок и сунул мне в руку.

Я помедлил и произнес:

— Буи, ты действительно всё решил насчет того, чтобы остаться?

— Мужик ты или кто, чего развёл бабские сопли? Бери! — немного рассердился Сун Буи.

Я молча поглаживал маленький узелок в руке; воздух в оружейной был каким-то тяжелым, а на тусклой стене комнаты покачивался в свете фонаря длинный силуэт Сун Буи.

Вскоре Цзян Е вернулся, неся в руке аккумулятор.

— Замкни плюс с минусом сверху, как провод раскалится докрасна — сможешь прикурить, — показал наглядный пример Цзян Е.

— Во! Ну а вы возвращайтесь. Я хочу посидеть один.

Сун Буи принялся выгонять нас.

Цзян Е ошарашенно хлопал глазами, прежде чем вымолвить:

— Буи!

— Точно. Дай мне рацию! Когда придет время подрыва, пусть майор позовет меня, — протянул руку Сун Буи к стоявшему рядом со мной бойцу.

— Всё! Идите. Заберите фонарь. Я хочу побыть один в темной комнате.

Убедившись, что связь работает, Сун Буи снова поторопил нас уходить.

Ой!

Боец, поддерживавший меня при выходе, вдруг зарыдал в голос. Я шел, опустив голову, следом за Цзян Е, который нес аварийный фонарь.

В тот самый момент, когда меня под руки вернули в убежище в туннеле, враг снова пошел в атаку.

Отступившие с правогофланговых позиций бойцы уже добрались до нас. Восемь человек во главе с командиром взвода, но все до единого раненые, хотя и способные сражаться. Майор вводил их в курс обстановки, пока остальные бойцы распределяли последние боеприпасы. Мы же вдвоем, с более легкими ранениями, набивали магазины патронами.

Цзян Лэй в одиночестве сидел в углу, поддерживая связь с большим Ли.

Чжан Тинъюй к тому моменту пришел в себя и жалобно просил пить. Я поднес к его губам оставленную Цзян Е флягу с водой.

На сей раз артиллерийская подготовка у проклятых японцев была короткой — всё стихло буквально через десяток минут. Позиции понемногу затихли, и голос большого Ли из наушников Цзян Лэя стал отчетливо слышен всем присутствующим.

Большой Ли уже тайком подобрался менее чем к километру от мест сосредоточения вражеских сил, затаившись у заброшенного участка туннеля. Ночью противник был занят подготовкой к атаке, поэтому охранение оказалось довольно беспечным.

Большой Ли обнаружил, что главные силы врага собираются у крупного комплекса туннелей. Солдаты противника всё ещё толпились группами, пили воду, ели и отдыхали. Спустя примерно пять минут враги толпой полезли в машины, и беспорядочно брошенные транспортные средства забили вход в туннель позади.

Координация у этих чертовых японцев никуда не годилась.

Цзян Лэй одной рукой зажимал тангенту ларингофона, слушая передаваемые большим Ли координаты врага, а другой докладывал целеуказания артиллеристам и пехоте.

Подождав немного, мы услышали свист сотен снарядов, проносящихся над нашими позициями.

— Все сюда, глядите! Наши снаряды! — крикнул боец, подбежав к входу в туннель и указывая в небо.

Группа 130-миллиметровых пушечных снарядов точно легла на места скопления врага, большой Ли в микрофон вовсю орал от восторга, похоже, даже забыв об укрытии.

Потери противника были огромны!

Майор приказал большому Ли немедленно возвращаться.

— Большой Ли! Большой Ли? — не дождавшись ответа, Цзян Лэй продолжал беспрестанно вызывать его шепотом.

Цзян Лэй напряженно вслушивался, так сжав дужку гарнитуры, что та аж покривилась.

Непонятно, что случилось у большого Ли, и я сорвал с плеча Чжан Тинюя переговорную гарнитуру, переключил канал, натянул наушники.

Слышно не было ничего.

Вдруг на секунду остолбеневший Цзян Лэй в отчаянии заорал во весь голос:

— Большой Ли! Большой Ли! Ответь же!

К концу крика голос Цзян Лэя сорвался на плач.

Хлоп!

Цзян Лэй переломил дужку гарнитуры пополам.

Наступающие силы врага понесли тяжелейший урон и целых полчаса не подавали признаков жизни.

Было два часа сорок минут ночи.

Тут Ли Вэй получил приказ с командного пункта. Связь с ещё большим количеством позиций на нашем восточном фланге пропала окончательно, части в городе в основном завершили эвакуацию. Командирам на передовой предоставлялось действовать по обстановке, а все силы обязаны были с рассветом полностью отойти за рубеж обороны в юго-восточном углу города и сосредоточиться для отхода.

Майор подошел к выходу из туннеля и на мгновение взгляделся в даль восточного оборонительного рубежа.

Сзади изда доносились отголоски ожесточенной стрельбы. Вглядываясь во тьму, майор забормотал сам себе под нос:

— Похоже, до рассвета нам не продержаться, враг уже прорвал оборону. Мы находимся ближе всех к противнику, и нам вполне могут отрезать пути отхода.

Пришло время отхода раненых!

Раненые передвигались медленно, и уходить им следовало до начала вражеских бомбежек.

— Раненых эвакуировать первыми. Командир взвода Чжоу, води группу: возьми троих легкораненых бойцов, пусть каждый возьмет по одному тяжеленному на себе, и уводите их вниз, — отдал приказ Ли Вэй новому командиру взвода.

— Оставьте нас здесь. Лишний человек — это лишняя сила. Глядишь, и дотянем до рассвета, — проговорил лежавший на земле Чжан Тинъю, и я вторил ему.

— Отставить! Вам всё равно нужно отходить. Думаю, ждать трёх часов не придется, враг в любой момент может пойти в атаку. Наша оборонительная способность сейчас слишком слаба. Если сейчас же не уйдете — все сгинете здесь! Я здесь старший командир, выполняйте приказ! Оставшиеся на оборону бойцы обязаны сдать свои жетоны и личные вещи раненым, чтобы те забрали их с собой, — сурово приказал Ли Вэй.

Бойцы быстро зашевелились, каждый взвалил на спину по раненому.

Проходя мимо Ли Вэя, майор остановил меня:

— Вэй Бэйхуэй, это мой партийный билет и жетон, возьми их. Если сможешь вернуться к своим — сдай их куда следует... До встречи, братишка.

Сдерживая подступающие рыдания, я дрожащими руками сунул вещи майора вон в тот нагрудный карман.

Когда меня несли на спине с высоты, я не удержался и обернулся, глядя на этот стоящий в ночной мгле рубеж. Позиция 2416 — место, которое я не забуду до конца своих дней. Здесь началась моя недолгая, двухмесячная боевая жизнь, и её имя навсегда врезалось мне в сердце.

Прощай, позиция 2416, и вы, мои братья.

Су Цинь, большой Ли, майор и Буи.

Буи! Что он сейчас делает?

Дождь усиливался, бойцы, пробиравшиеся по траншеям, в мгновение ока промокли насквозь.

Нащупав во тьме переключатель, я сменил канал связи и тихо позвал:

— Эй! Буи? Эй! Буи?

Наконец связь установилась.

— В чем дело? У вас всё в порядке? Большой Ли вернулся?

Оставшийся в одиночестве во тьме Буи казался удивленным.

— Врагов разнесло в клочья! А большой Ли... большой Ли не вернулся.

Повисло молчание.

— Большой Ли что, погиб? — голос Буи стал намного глуше.

Я не ответил.

— Не ожидал, что этот парень уйдет раньше меня. Герой! — горько вздохнул Буи в трубку, разговаривая сам с собой.

— Осторожно, обстановка! Всем укрыться! — оборвал наш разговор чей-то приглушенный окрик из темноты.

Бойцы тут же залегли в траншее.

Осторожно приподняв головы для осмотра, мы обнаружили, что пути отхода перерезаны японцами!

В три часа ночи японцы начали массированную бомбежку.

Заградительный огонь отрезал нам пути назад, и нам пришлось укрываться во временном блиндаже неподалеку у подножия высоты.

Реактивные системы залпового огня М270 и 155-миллиметровые гаубицы снова вдоль и поперек перепахали наши позиции, и бомбежка прекратилась лишь спустя добрых полчаса.

Сразу после артобстрела командир взвода Чжоу, припав к бровке траншеи, принялся осматривать противника в прибор ночного видения.

Враг представлял собой бронегруппу, выполнявшую, судя по всему, задачу по прорыву и разведке боем. Одна гусеничная боевая машина пехоты, одна колесная бронемашина и примерно отделение пехоты. Заняв два здания у дороги, они выставили боевое охранение на оба фланга.

В наушниках стоял сплошной грохот ожесточенной перестрелки, перемежаемый яростными криками и руганью наших бойцов.

Я выглянул из траншеи в сторону высоты.

Там гремели разрывы снарядов и строчили автоматные очереди.

Бойцы на высоте сошлись с врагом в рукопашной.

Что делать?

Позади зданий, удерживаемых японцами, расстилось голое пространство открытого поля, а на самом краю этого поля начинались плотные кварталы жилой застройки на окраине города.

Стоило нам только пересечь это поле и ворваться в жилые кварталы, как мы оказались бы в безопасности.

Командир взвода Чжоу созвал трех оставшихся в строю солдат, и они склонили головы в траншее для совещания.

Кроме неглубокой водосточной канавы, тянувшейся вдоль зданий, укрытий для скрытного подхода к позициям японцев не было.

В руках у всех оставались лишь винтовки да гранаты, без противотанковых средств идти в лобовую атаку мы не могли. И хотя внимание японцев всё ещё было приковано к западу, случись кому-то из вражеских дозоров заметить нас — и нам конец.

К тому же приходилось тащить троих раненых товарищей.

Над траншеей повисло уныние.

Дождь полил ещё сильнее прежнего; в густой ночной тьме частые капли барабанили по чехлу стальной каски, сливаясь в ручейки, стекавшие на плечи, а рана на левой руке от соприкосновения с водой отзывалась тупой болью. Чжан Тинъюй, прильнувший к моему сгибу руки, уже впал в беспамятство, и мы с другим тяжелораненым бойцом из последних сил удерживали его угасающее тело.

Он постепенно остывал.

Нужно прорываться!

Посоветовавшись, командир взвода Чжоу и остальные решили под прикрытием ночи и ливня вползти в водосточную канаву и подобраться вплотную к японцам для внезапного нападения.

Проводив взглядом бойцов, которые один за другим растворялись в дождевой завесе, я здоровой рукой крепко обнял Чжан Тинюя за шею.

Бесконечное, тягучее ожидание посреди дождливой ночной мглы.

В какой-то момент мне показалось, будто в наушниках слышался сдавленный плач Буи.

Буй плакал!

Совсем один, в темной и холодной оружейной. На краю гибели, без товарищей, без света.

Он плакал!

Прижимая к груди угасающего товарища и чувствуя, как ноги сводит от ледяной воды на дне траншеи, я весь дрожал под холодным ночным дождем.

Мне хотелось сказать Буи хоть что-нибудь, но стоило разлепить губы, как в рот хлынула солоноватая дождевая вода. В голове стояла звенящая пустота, и я понятия не имел, как его утешить.

Будь на его месте я — как бы поступил сам?

Я больше не мог выдавить из перехваченного спазмами горла ни звука.

Шум артиллерии на высоте позади заметно поутих, и в отвесах вспышек мне то и дело чудились силуэты вражеских танков и бронемашин, ползущих на самую макушку высоты одна за другой.

Рация молчала.

Ли Вэй, Цзян Е, Цзян Лэй — все они погибли?

Когда мне показалось, что дрожащие ноги больше не держат меня и пора падать обратно на

дно траншеи, прямо над высотой вдруг взметнулся яркий, ослепительный сноп огненных струй.

Да!

Кто-то ещё сражался!

В свете ослепительного металлического зарева я увидел, как танк тип 59, словно сорвавшийся с привязи жеребец, мчится сквозь пелену дождя из широкой траншеи позади высоты!

Это были Цзян Е и остальные, они ещё живы!

— Ах вы, мазафака, ублюдки! — истошно проревел в этот момент в наушниках голос Буи.

На высоте взметнулся колоссальный столп пламени и дыма, и весь холм мгновенно скрылся внутри исполинского огненного шара. Вражеские бронемшины и танки, добравшиеся до вершины высоты, поглотило мгновенно вспыхнувшее пламя, и тяжелые стальные машины взмыло ввысь, разбрасывая их по сторонам, точно камни из извергающегося вулкана.

Буи, прощай.

<http://bllate.org/book/21115/2142670>